

Уважаемые читатели!

Предлагаю вашему вниманию еще один из «кусочков» первой части незаконченной монографии «Общество: сила и прогресс». На этот раз из главы, где анализируются европейские ученые XX и начала XXI века.

Кстати, хочу воспользоваться случаем для объяснения своего метода в подаче материала по изучаемым темам. Некоторые читатели моей книги о «Силе» проявили недовольство тем, что я слишком много цитирую авторов, которых анализирую. Дескать, это мешает вникнуть в «содержание». Отвечаю по «полочкам».

Во-первых, работы о «Силе», «О любви» и данная монография – это научные сочинения, в которых делается попытка сформулировать законы или закономерности разбираемых явлений. Следовательно, они требуют самого уважительного и, главное, верного прочтения произведений желательно всех значимых предшественников по разбираемой теме.

Во-вторых, пересказ их идей очень часто искажает позицию авторов. Иногда это делается сознательно, особенно, скажем, в отношении идей Маркса и Энгельса и других революционных мыслителей. Поэтому очень многие стараются путем пересказа избежать указания источников.

В-третьих, через цитаты читатель, не знакомый с тем или иным автором, может почувствовать его стиль и тип мышления. А это не может не доставлять интеллектуального удовольствия.

В-четвертых, если возможность читать оригиналы была у кого-то упущена, то это частично восполняется хотя бы небольшими цитатами из них.

Я не хочу сказать, что всю работу надо превращать в цитатник. Их обилие нелепо выглядели бы в публицистических статьях. Однако в научном жанре, особенно когда речь идет об анализе онтологических явлений и сущностей, без них не обойтись. Более того, всегда нужно знать «историю вопроса», которая столетиями изучается великими умами. Кого это раздражает, тем рекомендую читать публицистику или беллетристику на тему о закате Запада и восходе России. Сказки бывают иногда тоже полезны.

Карла Обри Крадольфер: прогресс и эволюция

Молодая исследовательница Карла Обри Крадольфер из Социологического института Цюрихского университета задумала проанализировать связь эволюции с идеями прогресса[1]. Я бы не стал обращаться к ее статье, если бы не три момента. Во-первых, мне надо было выяснить, как современные немецкоязычные ученые размышляют на тему прогресса. Во-вторых, как на эту тему пишут женщины. И, в-третьих, это одна из немногих работ, которая сконцентрировала в себе большинство изъянов многих авторов, пишущих о прогрессе. По своей неопытности Крадольфер об этом не догадывается, и поэтому совершенно искренне и наивно демонстрирует многие аспекты антинаучного подхода к теме. Мне не хотелось бы ее обижать, но коль она опубликовала статью, то за нее надо отвечать.

Фрау Крадольфер напоминает, что в XIX веке слово «эволюция» поначалу было связано с теориями, относящимися к эмбриологии, в рамках которых развитие формулировалось как процесс образования более сложных структур, которые с самого начала не предполагались. Она пишет: «В вере о том, что эволюция может быть связана с идеей прогресса, что позволяло бы предугадывать направление развития, заложено очарование эволюционной мысли того времени». И выделяет важные критерии понятия «эволюция» в начале XIX века: эволюция следует predetermined, унаследованному плану развития; целенаправленна; расчленена на ступени или фазы; прогрессивна.

Сразу же следует отметить, что к началу XIX века на самом деле у различных ученых и философов были свои концепции, базировавшиеся на критериях, которые часто не совпадали с приведенными фрау Крадольфер. А это означает, что фрау вводит читателя в заблуждение. Не думаю, что она это делает сознательно. Это обычная вещь – некий исследователь, прочитав ограниченное количество литературы, причем подчас интуитивно именно той, которая «подтвердит» его/ее теорию, делает обобщения, расходящиеся с реальностью.

Поскольку речь идет об эволюции, Крадольфер, естественно, обращается к Спенсеру и Дарвину. Она пересказывает известные мысли из работ Спенсера, его положения, что прогресс – не случайность, а необходимость и т.д. Самое главное, что ей надо

было подчеркнуть — мол, по Спенсеру, эволюция является целенаправленным процессом. Однако, прочитав у него кое-что еще, она обнаружила, что понятие «эволюция» у Спенсера не однозначно «телеологично». В последнем томе «Принципов социологии» (1896) она нашла такой пассаж: «Эволюция не предполагает неизбежной тенденции к улучшению повсюду, где она действует. Не существует равномерного возвышения от низшего к высшему, а есть только случайное образование формы». Следовательно, считает фрау Крадольфер, Спенсер начал сомневаться в прогрессивном характере эволюции.

Исследователь из Цюриха почему-то «не заметила» антителиологичность в подходе Спенсера уже в самой ранней его работе «Прогресс: его закон и причина» (1857). О неоднозначности взаимосвязи эволюции и прогресса написано немало страниц в другой работе Спенсера, а именно в «Основных началах» (1862). Речь идет не о том, сомневался или не сомневался Спенсер. Суть в том, что его казалось бы стройная теория противоречила некоторым явлениям, чего он и не скрывал. Кстати сказать, именно эти противоречия как раз и отталкивали многих ученых от принятия фундаментальных положений спенсеровской теории силы.

Еще больше курьезов обнаруживается в анализе работы Дарвина, когда фрау Крадольфер нужно было показать, что теория Дарвина об эволюции не является теорией о прогрессе.

Автор справедливо напоминает, что сам Дарвин в первом издании «О происхождении видов» слово «эволюция» не употреблял. (В других изданиях это слово употреблено один раз.) Главное для нее, что Дарвин в этом труде написал: «Я не верю... в закон необходимого развития». Дарвин-де говорил об «улучшении». Означает ли это прогресс? – спрашивает автор. Она пишет: одни полагали, что в теории Дарвина нет элементов «прогресса». К ним относятся У. Мэйр, Ст. Тульмин, Джулиан Хаксли. Другие, в частности Р. Ричардс, считали, что есть. Действительно, в той же книге находим у Дарвина фразу: «И поскольку естественный отбор работает исключительно на благо каждого, то все телесные и ментальные способности прогрессируют к совершенству». Однако вездесущая Крадольфер нашла в каком-то позднем издании «О Происхождении» такой пассаж: «Естественный отбор, или выживание наиболее приспособленных не обязательно включает прогрессивное развитие».

То есть наш автор и у Дарвина обнаружила двойственность, неоднозначность в подходе к взаимосвязям эволюции и прогресса. Ей почему-то не пришло в голову, что

Дарвин в своей работе не анализировал теорию прогресса, и у него не было задачи исследовать эволюционный процесс с позиции прогресса или развития. Некоторые высказывания на этот счет в том или ином месте его знаменитой работы не связаны с теоретическим осмыслением указанных понятий. Это похоже на прием Нисбета: если бы я где-то в работе упомянул имя бога, даже в таком контексте как «не дай бог», он тут же приписал бы меня к последователям какой-нибудь религии. Швейцарский исследователь явно не читала гегелевские «Лекции по истории философии», в которых великий мыслитель советовал не приписывать автором того, о чем они не размышляли, и тем более не критиковать за то, о чем они и не писали и не думали. Именно то, что делает наш социолог из Цюриха.

Она, например, опять же приписывает Дарвину, что он-де рассматривал адаптацию как критерий прогресса (где, в какой работе?). И, ссылаясь на Дж. Вильямса, ставит этот придуманный ею тезис под сомнение. Пишет: «Адаптация как принцип не является обязательным критерием прогресса». Это столь очевидная банальность, что ее подтвердит масса тараканов, вшей и блох, не изучавших ни Дарвина, ни Спенсера.

Вот еще один аргумент против прогресса. «Способность к адаптации, - пишет она, - должна оправдывать себя в определенной ситуации. В этом смысле нельзя говорить об общей прогрессивной эволюции». Вообще о прогрессивной эволюции вне социальных отношениях, в мире органическом, не говоря уж о неорганическом, речи быть не может в принципе. Автор же, видимо, чувствуя это, проводит примеры из социальной эволюции. Так, она указывает, что смена культуры собирательства и охотничества на огородническую культуру происходит в специфических локальных условиях и не повсюду. Это не значит, что последнюю надо рассматривать как прогрессивную относительно ранних культур. Почему же нельзя? Ответ будет зависеть от того, что мы понимаем под словом «прогресс». Если сравнить уровень развития племен «собирательных и охотничьих» с «огородническими» (она явно имела в виду «земледельческими»), то сравнение это окажется в пользу последних, если даже под словом «прогресс» понимать традиционные представления хотя бы с точки зрения уровня производительности труда или структуры организации обществ.

Наш ученый, видимо из левых, вопрошает: разве индустриальный капитализм «в абсолютном смысле» превосходит другие производительные общества? И отвечает: да, у него действительно высокий уровень жизни, но за счет природных ресурсов, прямых или косвенных изъятий у большей части населения. Ну и что из этого? Какое отношение данная политическая риторика имеет к идее прогресса? «Было бы трудно

объяснить, что большинство людей живет в лучших условиях, чем 15 тыс. лет назад при собирательных и охотничьих культурах». Сама же фрау Крадольфер убеждена, что в те далекие времена жили лучше, чем сейчас. Здесь ссылка идет на Ст. К. Сандерсона, у которого она, видимо, почерпнула эту глубокую мысль. Здесь «опять двадцать пять». Что такое «лучшие условия»?

Конечно же, автор в определенной степени права, говоря о том, что прогресс, если таковой существовал и существует, распространяется не по всем фронтам сразу. Где-то прорывы, где-то отступления, где-то просто стагнация и консервация. Но здесь важно выделить то, что доминирует (о чем говорил и Спенсер), т.е. доминантную линию в прогрессе человечества. До сих пор существуют племена, находящиеся на уровне жизни тех же самых 15 тыс. лет давности. Но разве они определяют общую картину человечества? Против «локальности» прогресса никто и не возражал. Правда, эта тема не особенно и педалировалась, поскольку это слишком очевидная вещь.

Перейдем к очень важному моменту, который затронула психолог. Она пишет, что многие рассматривают в качестве критерия биологической эволюции, направленной на прогресс, экспансию самих живых (*Die Expansion des Lebendigen selbst*). Но вновь вопрос: а хорошо ли это или плохо «в объективном биологическом смысле»? И она пишет: «Кто жизни приписывает высокую значимость, тот видит в этом прогресс. Но если отстраниться от такой оценки, вопрос теряет смысл». Здесь наша исследовательница вступает на скользкую, но уже банальную тропу агностицизма, весьма распространенную среди некоторых американских философов. Ниже читатель увидит, как понятие «объективизм» будет доведено до маразма.

Предваряет этот маразм такой «невинный» вопросик: «Остается вопрос, может ли иметь объективную базу деление живых организмов на высшие и низшие?» Конечно же, если прибегнуть к критериям сложности или способности контролировать окружающую среду, человек окажется на высшей ступени (что фрау из Цюриха совершенно не радует). Далее слово дается Т. Ингольду, который, как она считает, справедливо задает еще один вопрос: не отражают ли эти критерии антропоцентризм? Видите, до чего на Западе ведет политкорректность: а вдруг, если мы повторим знаменитое: человек венец природы, какая-нибудь часть этой природы обидится, например вошь или инфузория. Думаете, шучу? Нисколько. Вот вам пример «аргумента философской медузы». Ингольд, в пересказе нашей фрау, развертывает этот «аргумент» таким образом: «Медуза может нечто, чего не может человек. И если такая философская медуза сможет рассказать историю эволюции, она обоснованно

поставит вопрос, не сфокусировать ли эту (историю) на единственной в своем роде способности собственного вида? Если бы такой подход послужил в качестве масштаба прогрессивного развития, ценности иерархии медузы были бы определенно другими, чем наши, а человек, вероятнее всего, не оказался бы на вершине эволюции». И наша фрау предупреждает, что мы должны быть очень осторожны с прогрессивными идеями в отношении эволюции в биологических и социальных сферах. Не то какая-нибудь медуза на нас очень сильно обидится.

И еще кто-то утверждает, что бог создал человека. Самое смешное, что этот «аргумент» находится в арсенале многих агностиков, считающих себя философами. В предыдущих своих работах я упоминал в этой связи философа Колина Макгина (англичанин, работающий в США). Он постоянно пишет о непознаваемости сознания в принципе из-за ограниченности человеческого мышления. Но в этом, дескать, ничего особенного нет. Он пишет: «Что закрыто для разума крысы, может быть открыто для разума обезьяны, а что открыто для нас, может быть закрыто для обезьяны». Обезьяна, например, напоминает Макгин, не может схватить концепцию электрона. Как остроумно в ответ замечает другой американский философ Даниил Денет, «нам не стоит удивляться примеру с обезьяной, не понимающей электрона, поскольку она не только не сможет понять ответы, но она не сможет понять и вопросы. Обезьяна не в состоянии удивляться, даже чуть-чуть».

У этих философов одна кардинальная ошибка: они наделяют внечеловеческий мир сознанием. Если придерживаться такой позиции, тогда вся вселенная – это жизнь, осознающая свое бытие. И тогда само понятие «жизнь» исчезает, поскольку оно обязано своему существованию «не-жизни». Если всё — жизнь, тогда любой электрон, кварк, солнце, собачка Жучка и корова Машка будут иметь свои представления и даже доктрины о прогрессе, красоте, любви и т.д. Но тогда нам надо распрощаться с наукой и становиться сказочниками на радость детям и взрослым с мышлением детей.

Итак, допущение, что эволюция ведет к прогрессу, не подтверждается объективным анализом, полагает наша ученая. Что же делать?

На основе подхода Н. Люмана она предлагает прибегнуть к системной теории понятия «эволюция». Сама теория строится на основе трех механизмов: вариативности, селекции и реабилитации. После описания метода она пишет, что при системной теории «речь идет об объяснении структурных изменений и ни о чем больше. Таким образом, вряд ли стоит говорить, что эта теория эволюции может иметь отношение к

прогрессу. Она в отношении изменений является нейтральной». Очень хорошо, и что дальше? Оказывается, такой подход «является хорошим научным инструментарием, чтобы описать структурные изменения с нейтральных позиций, так сказать, отрешенным взглядом. При этом также играют роль план, ценностные представления или сознательное предвосхищение будущего, но они сами являются моментами эволюции. Какая структура получится из этого, выясняется через эволюцию. Будущее не направлено на некую определенность, а вбирает в себя только направленно созданные факты как исходный пункт эволюции. Эволюция всегда и повсюду». Эволюция ради эволюции. Почему же будущее не направлено на некую «определенность»? Разве ученые не доказывали на практике, как хорошо они умеют рассчитывать то или иное «будущее» того или иного объекта? Если бы ученый Карла Крадольфер из Швейцарии была права, тогда не существовало бы никаких законов, познание которых как раз и дает возможность прогнозировать будущее, а в некоторых случаях и «создавать» его.

А вот ее печальный приговор прогрессу: «Прогресс, если он есть вообще, надо рассматривать ситуативно. Он или чисто органический рост, или природная телеология, или бессмысленное нагромождение из опыта». И с таким выводом, между прочим, соглашается очень большое количество скептиков, даже среди ученых. Им действительно было бы лучше жить 15 тыс. лет назад, тем более, что для них нет никакой разницы.

Повторяю: подобного рода рассуждения являют собой образец антинаучного подхода в исследованиях. Первое. Карла Крадольфер приписывает некие идеи ученым, в частности Дарвину, которые они не отстаивали. Второе. Она не знает историю вопроса, утверждая то, что не соответствует реальности (например, четыре критерия эволюции как прогресса, дескать, выдвинутые к началу XIX века). Третье. Она обсуждает понятие «прогресс», не сформулировав собственного определения. Коль такового нет, можно было бы сослаться на определение предшественника, которое она могла бы принять хотя бы в виде рабочей гипотезы. Иначе просто нечего обсуждать. Четвертое. Она идет на поводу агностиков, принимая их мистическое представление о сознании органического и неорганического мира. Пятое. Она предлагает метод, который не имеет отношения к раскрытию понятия «прогресс». Системный подход — весьма плодотворный научный инструмент с точки зрения анализа движения именно систем. Но он никак не годен при анализе сущности явлений бытия.

Повторяю, вряд ли фрау Крадольфер это понимает. Так ее учили и, видимо, так она учит и сама. К сожалению, так обращается с наукой немалая часть ученых, в особенности из профессорско-преподавательского состава.

Alex Battler

28.01.2007

[1] Kradolfer. Evolution gleich Fortschritt.